

28 лет. Живу в Санкт-Петербурге.

В августе 2013 года стал лауреатом 1-й степени в номинации «Поэтический театр» международного поэтического фестиваля-конкурса «Уникальный автор», прошел в финал «Поэтической палитры». В ноябре того же года стал Почет-лауреатом Всероссийской поэтической премии «Послушайте!» имени Велимира Хлебникова, заняв второе место по итогам голосования жюри. В январе 2014 удостоился звания лауреата-мастера поэтического слова 1-й гильдии на фестивале «Город мастеров». В мае 2014 года занял 1 место в номинации «Aperto libro» и стал лауреатом фестиваля «Поэзия улиц», в июне удостоился звания «Лауреат «Поэт» VII фестиваля авторской песни «Соцветие», в октябре награжден дипломом победителя «Битвы поэтов» Александром Сокуровым.

Публиковался во множестве сборников, перечислять которые не вижу смысла, а также количество вечеров и мероприятий, в которых принял участие уже, наверное, пошло на сотни. В феврале 2015 года вышел первый авторский сборник «Немая тетрадь».

Имею опыт издательской работы. Как организатор: Маяковские чтения в Санкт-Петербурге (с апреля 2013), городского поэтического фестиваля «Поэтическая трибуна», Чемпионата поэзии имени Владимира Маяковского, более двадцати вечеров группы «Неформатные стихи» и группы «Поэт-революция». Выступал в качестве соведущего в поэтическом салоне «Карповка, 28», в литературно-дискуссионном клубе «Стрелка поэтов», «Театр поэтов».

Неоднократно принимал участие в шествиях, демонстрациях и митингах в Санкт-Петербурге, декламировал свои стихи на этих публичных мероприятиях .

Проходя меж Московским и Невским,
Я обычно друзей встречаю.
А сегодня и выпить не с кем
Что-нибудь, даже если и чаю.

Только я не держу обиды,
Раз сегодня собрался пить я —
В собутыльники выберу виды,
Твои дивные виды, мой Питер.

Ты ж сидишь на краю державы
И, любуясь балтийским закатом,
Оставляешь до боли ржавый
И безумный режим за кадром.

Мочишь ножки в Финском заливе,
Усадив на коленях Ваську.
Васька смотрит, такой счастливый,
Только щурит от солнца глазки.

Здесь когда-то Романов Пётр
Русский флот превращал в Армаду.
А сегодня Кронштадт-осётр
Рвёт отчаянно сети КАДа.

Миллионами льются оды,
Воспевая твоё величие,
Умолчав про капризы природы,
Чтоб не выпасть из правил приличия.

Но не слушай, что врут писаки
(Они лучше хотят казаться.)
Меня ж просто зовет Исаакий!
По пути обнимает Казанский!

И пускай ты столь строгий и стройный,
И пускай ты мне только отчим,
Твои стены во мне достроены,
В моих окнах белые ночи.

И пускай мы не станем ровень —
Все ж, нагнувшись, шепнешь под ухо:
"Мы родные с тобой не по крови,
Мы родные с тобою по духу."

Поэт перестал быть голодным,
Поэт перестал быть бедным,
Поэт становится модным,
Поэт становится брендом.

Его не нужно печатать:
Бумажный носитель — глупость.
Поэт становится чатом,
Поэт становится группой.

Поэт превращается в паблик,
Поэт обрастает репостом.
Поэт — уже не кораблик,
Он в море не ищет остров.

Поэт становится лайком,
Комментом к новому мему,
Поэт превращается в гайку
В железном хребте системы.

Я — облаявший небо пес.
Я от счастья истек слюной.
Я останусь среди тысяч звезд
С луной.

Ты — огонь ли, земля ль, вода ль...
Ты сама выбирать вольна.
Ты смотрящая только вдаль
Луна.

Мы с тобой в небесах блеснем.
Мы — безумные или нет.
Мы — куплеты из песни о
Луне.

1.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!
К всеобщему обсуждению!
Умер номер
Сорок семь,
Готовится погребение.

Вроде не жалко,
но все ж интересно:
Ведь стало меньше на один номер.
Кто он такой?
Без разницы, честно.
Любопытно узнать, от чего же он помер.
Может зараза,
а может убийство,
Замаскированное под несчастный случай.
Такое бывает,
сказали в полиции,
Мы сами не вправе выбирать себе участь.

Вышел на площадь:
толпа собралась немалая.
И все отчего-то очень взволнованны...
Одни обвинения
кому-то кидали,
Другие стояли как скованные...
Тогда я сказал:
«Может так проще,
Мы со временем все привыкнем:
После сорока шести
сразу сорок восемь».
Кто-то из толпы следом выкрикнул:
«Тебе ли решать,
ты ли судья наш?
Как нам считать — посчитаем и сами!
Рот свой прикрой,
гаденыш несчастный!
А то застрелю, клянусь небесами!»

И я промолчал,
опасаясь расправы.
Продолжил стоять безмолвным свидетелем.
Я был не прав,
так как все были правы,
И я перед всеми сегодня в ответе...

2.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!
К всеобщему обсуждению!
Умер номер
сорок семь,
Готовится погребение.

Умер друг мой,
Сорок седьмой.
Нас всех поделили на номера.
Лишили имен нас,
без имени друг мой
Медленно умираю...
Он не мог вспомнить,
как его звали
Без паспорта, штампов и нумерации...
Все это знали,
но все же молчали:
Мол, не было веской аргументации!
Когда же он умер,
все сразу поняли,
Что это может случиться с каждым,
Имя — последнее,
что у нас отняли,
И мы переполнены мщениия жаждой!

Мы вышли на площадь
всем нашим городом.
Власть прислушалась к протестующим:
«Раз уж Вам имя
ваше так дорого,
Давайте проголосуем!
Если Ваш голос

сольется в единое,
Мы Вам вернем отнятое,
А будут согласные
с нашей доктриной —
Все остается! Понятно?»

Кто-то молчал
в ожидании кары,
Мы же кричали единым воплем.
Я видела: взгляды
зажглись пожаром,
Да и последние, вытерев сопли,
Тоже кричали!
Близость к победе
Нас опьянила, и этим объятые
Мы пропустили,
мы не заметили
В наших рядах предателя!
Иуда сказал:
«Может, так проще,
Мы со временем все привыкнем:
После сорока шести
сразу сорок восемь».
Я ему из толпы следом крикнула:
«Тебе ли решать,
ты ли судья наш?
Как нам считать — посчитаем и сами!
Рот свой прикрой,
гаденыш несчастный!
А то застрелю, клянусь небесами!»
Но было поздно,
единственный голос
Сделал бессмысленной смерть сорок седьмого,
Был порван от правды
деливший нас волос,
И мы — номера, мы — цифры снова...

Ты так много всего хотела,
Ну а я, не подумай злого,
Оставляя все меньше тела,
Становился все больше словом.

Каждый день превращал в страницу
Недописанной мною книжки.
На страницах всегда хранится
Очень много и даже слишком.

Рассыпаясь на буквы, пальцы
Разлетаются по бумаге
И кружатся в манере вальса,
Запинаясь при каждом шаге.

Несмотря на свою корявость,
Твоего не упустят взгляда,
Пока смыслы не затерялись,
Оттого что мы слишком рядом.

Как последняя в книге точка
Упадет на прощальный листик
Еле видимым лепесточком
Не услышанных кем-то истин.

Ты возьмешь пожирней иголку
И сошьешь меня в плотный томик,
А затем, положив на полку,
Только изредка сможешь вспомнить.

Но как вспомнишь, тогда я просто
На колени к тебе присяду.
Ты согреешься, оттого что
Друг для друга мы слишком рядом.

Меня поделили на две половины,
 Разрезали пополам, бездельника.
 Одна половина в чем-то повинна,
 Другой заплатили денег,

Чтобы молчала о том, что вторую
 (скажем, зеркальное отражение)
 Прямо сейчас у нее же воруют
 И приговаривают к сожжению.

Оттаскивают за ногу единственную,
 Привязывают к столбу полтела,
 Дают закурить на прощанье "Винстона"
 И спрашивают: «Что хотела?»

Она ж, истекая последней кровью,
 Всех рассмешила только,
 Сказав, что куренье вредит здоровью,
 И после спросив алкоголя.

Ей все же налили водки для смелости.
 Полводки ушло мимо глотки, конечно.
 Выпить остатками разорванной челюсти
 Дано не каждому грешному.

Настало время последнего слова.
 Полтела улыбнулось наполовину.
 И в этой улыбке не было злого,
 А было что-то наивное.

Это была не улыбка Джоконды,
 Но полугрусть, полуболь выдавала,
 Что полутело скучает о ком-то,
 А может о чем-то малом.

Пронзив палачей оставшимся глазом,
 Полтела извергло полулавиной
 Полупоследнюю рваную фразу:

"ХО-

ЧУ

СВО-

Ю

ПОЛО-

ВИНУ!"

В левое ухо — левые!
В правое ухо — правые!
Я, зараженный верою,
Хаваю, хаваю, хаваю!

Матерью-пропагандою
Я обращаюсь в социум.
Я бы хотел быть правдою,
Хоть бы на долю сотую.

Но недоступна сотая.
Рупору верю на слово —
Я на людей работаю
(Людам не нужно ясного!)

Был бы Адамом с Евою,
Был бы бездетной парою!
В левое ухо — левые!
В правое ухо — правые!